

[OL'GA CIGANOK [ОЛЬГА ЦИГАНОК] (Kiiv, Ukraine)

e-mail: olzyg[at]ukr.net

Об эпитафиях Амвросию Дубневичу в черниговской поэтике середины XVIII века

В феврале 1750 г. умер епископ Черниговский и Новгород-Северский Амвросий Дубневич¹, ранее – преподаватель поэтики, риторики и философии Киевской академии, ее префект и ректор в период наибольшего расцвета (1731–1737), настоятель Троице-Сергиевой лавры. Свои последние годы (1742–1750) Амвросий Дубневич провел в Чернигове. Его приезд вызвал второй после времен Иоанна Максимовича и Антония Стаховского подъем местной Черниговской коллегии. Не случайно именно Амвросию Дубневичу посвящена дошедшая до наших дней поэтика Черниговской коллегии 1749–1750 учебного года². Раздел об эпитафии в ней большой и содержательный, как ни в одном известном нам украинском курсе словесности. Примеры – образцы жанра посвящены (за исключением шуточных эпитафий) Амвросию Дубневичу. Как дополнение к поэтике идет приуроченный смерти епископа рукописный сборник студенческих произведений³, но о нем – в отдельной публикации. Теория эпитафии в киевских курсах поэтики обычно излагалась в конце учебного года (см., например,

¹ Об этом упоминает Черниговская летопись: Архієрей Амвросій преставився. Того ж часу присутній на тому з'їзді превелебний єпископ чернігівський Амвросій Дубневич захворів і преставився в Глухові февраля 25-го. Vide: О.Апанович, *Ще одне джерело з історії України XVIII сторіччя*, „Україна. Наука і культура. Щорічник”, 1989, вип. 23, с.213-231, <http://izbomyk.org.ua/chemlet/chem05.htm> [доступ: 10.02.2013]. По другим источникам, Амвросий Дубневич умер 3, 15 или 23 февраля).

² *Черниговская поэтика 1749-1750 учебного года* (название условное, так как титульный лист отсутствует). Рукопись хранится в Национальной библиотеке Украины имени В.И. Вернадского, Институт рукописи, фонд 1, № 6528. Предисловие к поэтике называется *Illustrissimo ac Reverendissimo domino domino Ambrosio Dubniewycz, episcopo chernihoviensi et novogradensi severiensi, domino et patrono scholarum nostrarum munificentissimo perennem felicitatem* [Августейшему и очень уважаемому владыке, владыке Амвросию Дубневичу, епископу Черниговскому и Новгород-Северскому, владыке и очень щедрому патрону наших школ вечного процветания] (лист 25).

³ *Черниговская поэтика...*, op. cit., л.311–355.

поэтику Феофана Прокоповича)⁴. Таким образом, по программе курса пришло время заняться эпитафией, а уж смерть благодетеля вызвала особенно тщательную разработку темы. Похороны Амвросия Дубневича, в которых принимали участие преподаватели и студенты коллегии, состоялись в Чернигове 5 марта 1750 г., студенческие стихи писались в марте-апреле, а поэтика завершена 12 мая 1750 г. (свидетельствует надпись в конце ее и подпись преподавателя). Складывается впечатление, что с момента, когда стало известно о смерти патрона, вплоть до преждевременного⁵ окончания учебного года преподаватель и слушатели поэтики упражнялись в написании funerальных стихов. Это еще одно косвенное подтверждение роли Амвросия Дубневича в жизни Черниговской коллегии. Таким образом, целый ряд факторов сделал черниговскую поэтику 1749–1750 уч. г. объектом нашего пристального исследовательского интереса. Ранее к этому трактату обращалась Мырослава Андрущенко, изучав влияние Киево-Могилянской академии на современную ей литературу. Расшифровав неразборчивую подпись в конце курса, исследовательница установила имя автора поэтики, определила характер рукописи как барокковый⁶. Целью настоящей публикации является рассмотрение теории и практики эпитафии в черниговской поэтике 1749–1750 уч. г. на фоне украинской теоретико-литературной мысли того времени.

Теория эпитафии в черниговской поэтике 1749–1750 уч. г.

1. Дефиниция

Определение эпитафии в черниговской поэтике 1749–1750 уч.г. оригинальное и в то же время имеет корни в существующей литературной традиции. Эпитафии вслед за эмблемами и загадками анализируются в разделе, посвященному курьезной поэзии как поэтической художественной игре⁷. Рассмотрение эпитафий среди «тщательно обработанных», «формальных» текстов видим в

⁴ Ф.Прокопович, *О поэтическом искусстве...*, [в:] *Идем, Сочинения*, И.П.Еремин (ред.), Москва –Ленинград 1961, с. 333.

⁵ Известно, что в Киево-Могилянской академии учились по 15 июля – именно эта дата окончания курса фигурирует во многих рукописных курсах лекций.

⁶ М.Андрущенко, *Парнас віршотворний: Києво-Могилянська академія та український літературний процес XVIII ст.*, Київ 1999, с.140–143.

⁷ *Punctum btum. De notitia curiosorum carminum vel de Technopegione Poetica.*

некоторых киевских поэтиках конца XVII в. Например, раздел в *Вифлеемской колыбели* (1686) называется *Об анаграмме и эмблеме, чем она отличается, и об эпитафии (Cunae Bethleemicae, 1686, 55)*⁸. Повышенное внимание к курьезному стиху – особенность именно барокковых поэтик, но эпитафии редко рассматривались как разновидность такого рода творчества. Автор самого известного украинского бароккового курса поэтики Митрофан Довгалецкий назвал соответствующий параграф *Об эпитафии, эмблеме, символе, заглавии и иероглифе*⁹, отделив эти жанровые разновидности в отдельную группу. Преимущественно эпитафия определялась как эпиграмматическое стихотворение, предназначенное для помещения на могиле умершего¹⁰, иногда – как простая эпиграмма¹¹. Согласно „риторическому” подходу, эпитафия – это надпись стихами или прозой, которая вырезалась для прославления умерших на могилах, мраморных надгробиях и на флагах, что вывешивались над могилой¹². Точка зрения на эпитафию как часть курьезной поэзии в культурной среде Киево-Могилянской академии далеко не доминировала.

Изложение теории эпитафии в черниговской поэтике начинается дефиницией: “Эпитафия – это определенная причудливая надпись или в похвалу, или в осуждение какому-то мужчине. В эпитафии следует не оставить без внимания, каким был умерший, или простой, или ученый, духовного звания или мирянин. С другой стороны следует кратко сказать о его занятии и все такое, как это излагается в эпицедии или похоронном стихе”¹³. Определение „причудливый” объясняет, почему автор отнес эпитафию к курьезной поэзии. Информация в дефиниции, что

⁸ Здесь и дальше киевские поэтики указываются за началом названия. Первая цифра значит год (годы) написания курса лекций, вторая – лист рукописи. Полные названия см. в монографии: В.П.Маслюк, *Латиномовні поетики і риторики XVII – першої половини XVIII ст. і їх роль у розвитку теорії літератури на Україні*, Київ 1983, с.225–232. Рукописи, не указанные в монографии В.П.Маслюка, описываются в библиографии к этой статье полностью.

⁹ М.Довгалецький, *Поетика («Сад поетичний»)*, В. П.Маслюк (пер. і прим.), Київ 1973, с.376.

¹⁰ *Liber*, 1637, 146; *Poeticarum institutionum breve compendium*, 1671, 22; *Camoena in Parnasso*, 1686, 114; *Cunae Bethleemicae*, 1686–1687, 56; Cedrus Apollinus, 1702, 148; *Tabulae*, 1729–1730, 31.

¹¹ *Via*, 1729, 52; *Tabulae*, 1729–1730, 59; *De arte poetica*, 1705, 330; *Praecepta*, 1746, 120 etc.

¹² *Fons Castalius*, 1685, 79–80; *Leo Roxolanus*, 1693, 175; *Rosa*, 1696, 51; *Lyra Heliconis*, 1709, 246; *Parnassus*, 1720, 16; *Via*, 1724, 66. В одной киевской поэтике, как бы объединяя оба подхода, встречаем два определения – и как надписи, и как эпиграммы (*Officina*, 1726, 39).

¹³ *Черниговская поэтика...*, op. cit., л.141.

эпитафия пишется мужчине, сразу же указывает на тесную связь (или даже отождествление) эпитафии с эпицедием (только мужчины высокого ранга могли быть героями последнего). Такое смешивание funerальных жанров – не новое для теории древней украинской литературы. В некоторых киевских поэтиках термин «эпитафия» охватывает все виды похоронной поэзии¹⁴. Существовала и другая тенденция, когда «эпицедий» употреблялся в широком смысле, для всех funerальных произведений¹⁵. Но опять-таки, как в случае отнесения эпитафии к курьезной поэзии: смешение жанров funerальной литературы, особенно эпитафии и эпицедии, наблюдалось, но это была далеко не главенствующая точка зрения. Киевские дидакалы обычно пытались разграничить жанры funerального творчества¹⁶. Только в одной киевской поэтике встречаем в дефиниции эпитафии конкретизацию «на похвалу или порицание умершего» (*Fons Castalius*, 1700, 121). Что касается второй части определения эпитафии в черниговской поэтике 1749–1750 уч. г., а именно указания о необходимости сообщить в эпитафии данные о ее герое, то этот момент довольно традиционный. Древние украинские поэтики и риторики едины в том, что в эпитафии обычно кратко указывают имя, возраст, заслуги, общественное положение, достойные похвалы качества, как внутренние, так и внешние, причины смерти и другие существенные сведения о покойном¹⁷.

2. О способах изложения эпитафий

После определения автор черниговской поэтики 1749–1750 учебного года говорит о двух способах изложения („*elocutio*”) эпитафии: „*narrativa*” [повествовательный] и „*prosopopaeica*” [путем прозопопеи]. В повествовательном просто описываем лицо, действия, занятия или науку умершего. Если он был христианином, тогда хвалим его религиозность, благочестие, любовь к Богу и ближним, а также другие добродетели. Нужно указать, чем умерший

¹⁴ Например, в поэтике *Наставления* (1735) в параграфе *Об эпитафии, или похоронной поэзии* вспоминаются также эпицедии и нении (*Praecepta*, 1735, 31).

¹⁵ *Sinae Bethleemicae*, 1686, 43; *Lyra*, 1696, 34.

¹⁶ Например, поэтики *Роза между терниями* (1696-1697) и *Прообраз поэтического искусства* (1707) содержат разделы *Об эпитафии, эпицедии, плаче, тринах, нении* (*Rosa inter spinas*, 1696-1697, 51; *Idea artis poeseos*, 1707, 173).

¹⁷ *Liber*, 1637, 148; *Camoena in Parnasso*, 1686, 114; *Rosa*, 1696, 51; *Libri tres*, 1714, 53; *Hymettus*, 1699, 43; *Manuductio*, 1737, 116-116 (v.).

занимался, его заслуги, должность, знания, дарования, время, возраст, в каком умер¹⁸. Способ изложения путем прозопопеи объясняется следующим образом: когда мы изображаем или умершего из могилы, или воображаемый образ, могилу, или лицо, говорящее с путником¹⁹.

Что касается повествовательного способа изложения „*elocutio narrativa*”, то мы не нашли такой формулировки ни в одном из украинских трактатов. В киевских поэтиках указывается, что эпитафии преимущественно пишутся в форме „*epigramma simplex*” [простой эпитафии] – „голой, без всякого остроты”²⁰, „просто указывая лицо”²¹, „то есть того, кто покоится, описывает третье лицо”²². Поэтика *Млечный путь* (1735) сообщает, что этот способ еще кое-кто называет историческим (*Via lactea*, 1735, 172). А вот о другом способе изложения эпитафий – „*per prosopopoeiam*” – киевские поэтики пишут часто. Объясняется, что при этом или сам умерший беседует с путником или читателем, или вводится говорящее «орудие», которым пользовался умерший, или камень или могила²³.

3. Риторическая и поэтическая эпитафии

Изложение теории эпитафии в черниговской поэтике 1749–1750 уч. г. продолжает утверждение автора трактата, что эпитафия бывает двух видов: риторическая, или историческая, и поэтическая. Разделение эпитафий на два вида: на «*epitaphium oratorium*» [ораторскую эпитафию] и на «*epitaphium poeticum*» [поэтическую эпитафию) встречаем, помимо черниговского трактата, только в одной киевской поэтике (*Officina*, 1726–1727, 39v.).

Риторическая – это такая эпитафия, в которой прославляется вся жизнь умершего, перечисляя его деяния, достоинства etc.²⁴. В

¹⁸ „Consideranda sunt negotia vitae, merita, officium, scientia, dotes, tempus, aetates, quibus est mortuus” (*Черниговская поэтика*, л.141v).

¹⁹ „Prosopopoeica elocutio epitaphii tunc [---] fit, quando fingimus vel mortui personam de tumulo vel imaginem depictam, vel tumultum vel persona cum viatore loqui” (*Черниговская поэтика*, op. cit., л.145).

²⁰ *Cytheron bivertex*, 1694, 161; *Via lactea*, 1735, 171.

²¹ *Libri tres*, 1714, 53.

²² *Hymettus*, 1699, 44.

²³ *Ibidem*; подобные формулировки vide: *Officina*, 1726, 39; *Epitome*, 1734, 62; *Via lactea*, 1735, 172 etc.

²⁴ *Черниговская поэтика...*, op. cit., л.148–148 v.

поэтической эпитафии стихотворец коротко касается или образа жизни покойного, или его учености, или лица, или служебной деятельности, или возраста, или преждевременной смерти с каким-то неожиданным концептом²⁵. Обратим внимание на последнее слово. Таким образом, не стихотворная форма, по мнению автора черниговского трактата, делает эпитафию поэтической, а концепт.

4. Шутливые эпитафии

Изложение теории эпитафии в черниговской поэтике 1749–1750 уч. года завершает указание, что иногда пишутся также шуточные эпитафии. О шутливых эпитафиях пишут и другие поэтики. Впервые в Украине такие произведения упоминаются в *Вифлеемской колыбели* (1686). Шутки, как правило, неуместны в эпитафиях, разве что на еретиков, пьяниц и др. (*Cedrus Apollonis*, 1702, 148; *Tabulae*, 1729–1730, 60). Как указывает Митрофан Довгалевский, поэтам иногда разрешается слегка подшутить над умершими (*Hortus*, 1736, 233). Исходя из этих высказываний, становится понятно, почему в черниговской поэтике шутливых эпитафий умершему епископу нет. Приводятся хорошо нам известные по другим украинским поэтикам три польскоязычные примеры шутливой эпитафии²⁶, но к Амвросию Дубневичу они не имеют отношения. На этом изложение теории эпитафии в черниговском курсе завершается.

5. Генологические функции примеров эпитафий в черниговской поэтике

Как видим, теория эпитафии в черниговской поэтике 1749–1750 уч. года изложена кратко. Гораздо больше места занимают примеры. Вместе с теоретическими установками автора трактата образцы эпитафий выполняют также генологические функции.

5.1. Эпитафия – эпический эпицедей

Как пример повествовательного способа изложения в черниговской поэтике приводится *Эпитафия-плач о добродетелях и заслугах божественному Амвросию Дубневичу, епископу*

²⁵ Черниговская поэтика..., оп. cit., л.150.

²⁶ Черниговская поэтика..., оп. cit., л.154.

*Черниговскому и Новгород-Северскому, написанная года 1750 апреля 23 дня*²⁷. Хотя в названии указана как жанр произведения эпитафия, текст, состоящий из 193 строк, написан в форме эпического эпицедея, о котором сообщали некоторые украинские теоретики литературы²⁸. На эпический характер текста указывает как стихотворный размер – гекзаметр, так и высокий стиль. Общий тон произведению задает первая строка, указание на задачу автора – донести в глубь веков славу-хвалу великому человеку²⁹. Уместны здесь и топоры скромности (кто сумеет достойно описать деяния Пастыря?³⁰), и топоры прославление лица.

В эпитафии-эпицедеии Амвросию Дубневичу прослеживаются части классического эпицедея: „exordium” (строки 1–7), „laudatio” (строки 8–148), элементы «comploratio» (строки 149–150 etc.), «consolatio» (строки 151–193)³¹. Отличительной чертой этого эпицедея Амвросию Дубневичу являются хроностихы, жанровая разновидность курьезной поэзии³². С помощью букв, служащих для обозначения „церковных” цифр (M, D, C, L, X, V, I), в эпицедеии Амвросию Дубневичу записываются основные вехи жизненного пути героя: постригся в монахи (1722 год, строка 106), перешел в Свято-Михайловский Златоверхий монастырь (1736 год, строка 124), стал наместником Троице-Сергиевой лавры (1738 год, строка 130) и епископом Черниговским и Новгород-Северским (1742 год, строка 138). Самое важное в умершем епископе – скромное сердце, ведь скромность украшает все остальное (строки 56–58)³³. Всеми помыслами и делами Амвросия Дубневича управляла добродетель (строка 143), поэтому, хотя смерть его и украла, осталось доброе имя (строка 153), пусть же всегда живет память о нем (строка 154).

Эпитафия-эпицедеий Амвросию Дубневичу заслуживает литературоведческого анализа и публикации не только как стихотворный памятник великому человеку. Это единственный пока

²⁷ *Epitaphium flebile virtutum ac meritorum suorum divo Ambrosio Dubniewycz Episcopo Czernihowiensi et Nowogrodensi Severiensi anno 1750 Aprilis 23 Die adscriptum* (Ibidem, л. 141v.).

²⁸ О.Циганок, *Генологічні концепції фунерального письменства в Україні XVII–XVIII ст.: основні напрямки досліджень*, Київ 2011, с. 103–106.

²⁹ „Perspiciat clarum nimium tum fama per aevum” (*Черниговская поэтика...*, op. cit., л.141v., строка 1)

³⁰ „...Veridicos se vita tuos, quis sume labores / lucifluis Pastor potuit depromere dictis?” (*Черниговская поэтика...*, op. cit., л.141v.).

³¹ *Черниговская поэтика...*, op. cit., л.141v.–144.

³² М.Довгалецький, *Поэтика...*, op. cit., с.283–284.

³³ „Talia saepe iterans cordis documenta modesti, / Et meritum renuendo probans, hoc dignior extat, / Quod comit reliquos pretiosa modestia mores” (*Черниговская поэтика...*, op. cit., л.142v.).

найденный в украинских трактатах словесности XVII–XVIII вв. полный текст – образец эпического эпицедея.

В теоретико-литературной мысли Украины конца XVII – первой половины XVIII в. эпицедей как видовое понятие (*species epicedium*) рассматривался одновременно как один из видов эпической поэзии, если он написан на похороны какого-то героя, и как один из видов лирической поэзии, если оплакивал смерть какого-то благодетеля или друга³⁴. Амвросий Дубневич для черниговского преподавателя прежде всего известная личность (герой), церковный иерарх, поэтому первый из примеров – эпитафия-эпицедей. Вместе с тем умерший – бывший коллега, единомышленник, благодетель, его смерть – личная потеря. Поэтому не случайно после эпического момента идет лирический.

5.2. Эпитафия- элогий, хулящий смерть

Как образец способа изложения путем прозопопеи приводится *Хулящий стихотворный элогий смерти о том же епископе Черниговском*³⁵. Его автор обвиняет смерть – сотворив мир, его Создатель разрешил новому человеку существование, но:

СМЕРТЬ

Никогда полностью не останавливаясь,
убила и повалила, и человеческим падением
поддержанная, поднесла гордую голову,
подняв ее, стала сильнее...

(строки 8–11)³⁶.

Смерть – враг жизни человеческой, всадником, как ее увидел Св. Иоанн, бросается на жизнь:

От начала мира не научилась ничего, только забирать одну жизнь человека,
Потому что собственной жизни ей не хватает,
Жизни человеческой всегда алчет и ее зря тратит...

(строки 33–35)³⁷.

³⁴ *Lyra*, 1696, 27; *Lyra Heliconis*, 1709, 210 и 220; *Via lactea*, 1735, 170 etc.

³⁵ *Elogiastichon increpatorium mortis de eodem antistite Chernihoviensi* (*Черниговская поэтика...*, op.cit., л.145-148).

³⁶ “MORS / Nunquam sustinens paenitus cexidisset coruissetque, at hominis lapsu /suffulta caput superbum erexit / hoc erecto validior facta” (*Elogiastichon...*, op. cit., л.145).

³⁷ “Ab exordio mundi, non nisi unicam vitam humanam legere didicit / Propria quia caret vita /Humanae vitae semper est et cupida et prodiga” (*Elogiastichon...*, op. cit., л.146).

Смерти хорошо удаются метаморфозы и метафоры, она превращает веселых в грустных, переносит бездыханных людей как с замков, так и с тюрем в места, находящиеся в собственности Господа. Только поняв, что такое смерть, считает автор поэтики, можно осознать, что такое человеческая жизнь. Отсюда в произведении рефлексии о сущности человеческого бытия. Смерть никого не уважает, вот и украла жизнь в Амвросия Дубневича. Как и в предыдущем случае (эпитафии-эпигидия), уже в названии указана жанровая разновидность эпитафии – элогий.

В латинской эпитафике под элогием понимался тип стихотворной надписи, сочетающей эпитафию с похвалой, в которой перечислялись заслуги умершего³⁸. В современной научной литературе существуют различные точки зрения на природу элогия. Скорее всего, элогий в Украине в XVII-XVIII веках имел различную форму и функции (необходимы дополнительные исследования). В «хулящем элогии» из черниговской поэтики 1749–1750 уч. года, о котором идет речь, доминирует лирический, элегический элемент, хотя по форме имеем дело несомненно с элогием в иезуитской³⁹ трактовке. Складывается впечатление, что автор черниговской поэтики находился в творческом поиске, а произведение, которое он представляет как пример способа изложения эпитафии путем прозопопеи, представляет лирическое течение фunerального творчества, в отличие от предыдущего текста – эпитафии-эпигидия эпического характера в виде «силвы».

5.3. Риторическая (историческая) эпитафия

В качестве примера риторической (исторической) эпитафии приводится прозаический текст на церковнославянском языке в форме, говоря современным языком, некролога. Сухо и лаконично сообщается о дате, месте, обстоятельствах смерти и погребения епископа, излагается его «биография». Эпитафии пишутся также в стихотворной форме, поэтому следующий пример эпитафии – текст с теми же смысловыми акцентами, но в виде стихотворения, созданный с использованием риторической фигуры прозопопеи префектом Черниговской коллегии Сильвестром Новопольским⁴⁰.

³⁸ Е.В.Федорова, *Латинская эпитафика*, Москва 1969, с.181.

³⁹ J.Gruchała, *Poezja jezuitów czy poezja jezuitcka? Od parodii horacjańskiej do elogium*, [w:] Maciej Kazimierz Sarbiewski i jego epoka: *Próba syntezy*, J. Z. Lichański (red.), Pułtusk 2006, s. 29–45.

⁴⁰ *Черниговская поэтика...*, op. cit., л.149–150.

Чтобы продемонстрировать особенности стиля, процитируем начало обеих генетически родственных эпитафий:

<p>„1750 года февруарія 23 дня преосвященній Амвросій Дубневич епископ черніговскій и Новгородка сиверского шестидесятдволетной жизни своей скончал о Господи теченіе по четверодневной болезни в граде Глухове...”</p>	<p>Сего міра странниче, странниче лобезній Временнаго житія проходя путь слезній Зде стани и дивей кто сій прежде смерти Был, иже почивает в гробе сем простерти. Не кто инній сам тебе о себе вещаю Что Амвросій Дубневич аз зде почиваю.</p> <p style="text-align: right;">(строки 1 – 6)</p>
---	---

Несмотря на то, что один текст – прозаический, а другой – стихотворный, для автора поэтики 1749–1750 уч. года эти произведения – примеры двух разновидностей риторической эпитафии.

5.4. Поэтическая эпитафия (поэтический элогий)

Как пример поэтической эпитафии подается „поэтический элогий о владыке нашем Амвросие Дубневиче, епископе Черниговском и Новгород-Северском, написан против смерти на польском языке...”⁴¹. Текст называется *На смерти неуместной зверства снова жалобы* и состоит из семи 10-строчных плачей (ляментов). В первом плаче речь идет о том, что не слышно ни на Парнасе, ни на Геликоне лютни Аполлона, плачут и поют скорбные песни Менеиды «в сцене» похорон Пастыря, музицирует Смерть:

Pod czas twey pogrzebowey cny Pasterzu sceny
Stanowszy jako wryte przy otwartym grobie
Smutnych symphonii kącert y żalosne takty
Smierć wydaie sprawuiąc pogrzebowe akty.

(строки 7–10)

В последующих „плачах” – обвинения Клото и смерти, топосы равенности всех перед последней. Завершальный аккорд – „Lament

⁴¹ „Poëticum vero est, in quo breviter poëta elludit vel ad stadium defuncti, vel ad artem illius, vel [...], ad officium, vel ad annos vel ad tempus vel ad mortem insperata cum aliquot in expectato conceptu; ut est illud elogium poëticum Carmen de Antistite nostro Ambrosio Dubniewicz Episcopo Chernihoviensi et Novogradensi Severiensi in mortem exaratum polonice sic ex hoc polonismo: Na śmierci niewczesney Okrucienstwa ponowa żaloby” (*Черниговская поэтика...*, op. cit., л.150).

ostatni” – о триумфе славы над смертью, поэтому Пастырь – Амвросий Дубневич будет жить вечно⁴².

Сопоставление этого «поэтического элогия» с «хулящим элогием», о котором говорилось ранее, показывает, что оба произведения перекликаются, идут в одном ключе в плане содержания (инвективы против смерти, убеждение в посмертной славе героя произведения), однако формально они противоположны. Таким образом, элогий как один из видов эпитафии имел свои собственные жанровые разновидности.

5.5. Цикл эпитафий

Следующий образец жанра эпитафии написан в виде молитвы-просьбы, на что указывает уже название: *ОТСЮДА ИЗ ЭТОГО ВСЕГО МОЛИТОВНОЕ ПОЖЕЛАНИЕ ТАКОЕ, ЧТО заставляет плакать, ВОЗНИКАЕТ через фигуру прозопопею*⁴³. После рефлексий о неизбежности и всевластии смерти (строки 1–10) епископ прощается с жизнью, выражает убеждение, что будет жить в преемнике, просит вырезать на его могиле эпитафию (строки 11–40). Следует текст желаемой надписи на могиле (14 строк), стилизованный под автоэпитафию (*ИМЕННО ЭТИ СТРОКИ ОТ ДИЕЦИЗИИ прося*)⁴⁴, после чего 12 строк, адресованные преемнику (*НАСЛЕДНИКУ СВОЕМУ ГОВОРЯ*)⁴⁵. Завершает эту органическую целостность „хроностих из вышесказанного”⁴⁶, который, как в случае с эпическим эпицидием Амвросию Дубневичу, вводит нас в мир курьезной поэзии. Таким образом, имеем цикл из четырех эпитафий, каждая из которых при определенных обстоятельствах может функционировать как отдельный текст. Подобные циклы эпитафий в украинской поэтике XVII–первой половины XVIII в. встречаем впервые. Три последние тексты из этого цикла написаны в форме эпиграммы, что характерно для древней украинской школьной эпитафии в целом.

⁴² *Черниговская поэтика...*, op. cit., л.151v.

⁴³ *UNDE EX HIS OMNIBUS VOTUM HOC FLEBILE ERUITUR per figuram prosopopeiam* (ibidem).

⁴⁴ *HOC NEMPE VERSUS A DIAECESI POSTULANS.*

⁴⁵ *SUCCESSORI SUO DICENS.*

⁴⁶ *Ex supra Dictis annum DisTichon hoc est...* (*Черниговская поэтика...*, op. cit., л.151v.–153).

5.6. Эпитафия-христианский стих

Еще один образец эпитафии в черниговской поэтике 1749–1750 уч. г. – эпитафия-христианский стих *И о милости Божьей, которую имеют все верные, выражена таким образом...*⁴⁷. Написанное в форме леонинского стихотворения (48 строк) произведение рисует идиллическую картину небесной жизни, где нет плача, так как нет боли, нет ничего неприятного, противного, постыдного⁴⁸. Нет ничего прекраснее и добрее милости Божьей, на небе ее получает в награду каждый достойный.

Теория и практика эпитафии в черниговской поэтике 1749–1750 уч. г. демонстрирует богатство жанровых разновидностей, разноплановость формы и содержания этого литературного жанра. Принято считать, что середина XVIII века в украинской литературе – период упадка. Рассмотрев, каким образом примеры объясняют, конкретизируют и дополняют изложенную в поэтике теорию эпитафии, мы видим как развитие теории жанра, так и богатую литературную практику, высокую поэтическую культуру барокковых эпитафий. Окружив заботой Черниговскую коллегию, Амвросий Дубневич после смерти удостоился стихотворного памятника в виде оригинальных эпитафий как непрерывной песни-плача по благодетелю.

Говоря об украинских барокковых курсах словесности – рукописных записях лекций с поэтики и риторики, ученые прежде всего обращаются к трактатам Киево-Могилянской академии. Там преподавали такие известные личности, как Лазар Баранович, Иоанникий Галытовский, Иоасаф Кроковский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Лаврентий Горка, Григорий Конисский и др. Но в киевских книгохранилищах ждут своих исследователей рукописи поэтик и риторик середины XVII–XVIII века и других учебных заведений – Каменца, Львова, Луцка, Кременца, Чернигова, Харькова etc.⁴⁹. Теория и практика эпитафии в черниговской поэтике 1749–1750 уч. года показали, как важно для реконструкции теории древней украинской литературы принимать

⁴⁷ *Illud de gratia Dei, qua omnes fideles potiti sunt, sic expressum...*

⁴⁸ *Luctus ubi nullus resonat, quia nec dolor ullus / Nil ubi, quod pigeat, taedeat, aut pudeat...* (строки 1–2) (*Черниговская поэтика...*, op. cit., л.153–153 v.).

⁴⁹ Я.М.Стратий, В.Д.Литвинов, В.А.Андрушко, *Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии*, Киев 1982, passim.

во внимание весь массив литературных памятников, и какие находки могут ждать исследователей.

Эпитафии из черниговской поэтики 1749–1750 уч. г. имеют не только историко-литературное значение, но и важны для реконструкции наших знаний о теории давней украинской литературы, имеют определенную эстетическую ценность и для современного читателя.

Ключевые слова:

черниговская поэтика, эпитафия, фunerальные стихи, XVIII век, Украина

The title in English:

On Epitaphs to Ambrose Dubnevich in the Chernihiv Poetics of the Mid 18th Century

Abstract (Summary)

The purpose of this publication is to examine the epitaph's theory and practice in the Chernihiv poetics of 1749–1750 against the background of Ukrainian literary theory as well to analyse from a philological point of view the epitaphs dedicated to a remarkable personality of his time – the Bishop of Chernihiv and Novgorod-Siverskyi Ambrose Dubnevich – in comparative context. The research paper is based on the study of the little known, even in academic circles, handwritten Ukrainian treatises. The chapter on the epitaph in the Chernihiv poetics 1749–1750 is large and substantial compared to other Ukrainian courses; epitaph's samples are chosen very carefully. The paper analyzes the epitaph's theory in the Chernihiv poetics: definition, methods of epitaph's presentation – narrative and by prosopopeia, epitaph's species – rhetorical and poetic epitaphs, genologic functions of the samples. The epitaph genre in the Chernihiv poetics of the mid 18th century is seen as a kind of curious poetry. This is a trend of old Ukrainian literary theory (along with understanding of the epitaph as an epigram and as an inscription). In the Chernihiv poetics of 1749–1750 the epitaph's samples supplement the theory of genre. The paper focuses attention on the variety of formal solutions and features of an epic epitaph-epicedium, of lyrical elogia – an abuse elogium and the poetical one, rhetorical (historical) epitaph, the epitaphs' cycle and a Christian epitaph written in leonine verse. The epitaphs of the Chernihiv poetics of the mid 18th century have not only

historical value; they are also important for the reconstruction of our theoretical knowledge of old Ukrainian literature, and present a certain aesthetic value to the modern reader. Epitaph's theory and practice in the Chernihiv poetics of 1749–1750 show how important it is to take into account not only the poetics of the Kyiv-Mohyla Academy, but also courses of regional Ukrainian institutions. A future task is to consider student funeral poems dedicated to Ambrose Dubnevich which are attached to the Chernihiv poetics.

Key-words:

Chernihiv poetics, epitaph, funeral poems, 18th century, Ukraine.

The title in Polish:

Tytuł w języku polskim:

O nagrobkach Ambrożego Dubniewicza w poetyce czernichowskiej z połowy XVIII wieku

Abstrakt (Streszczenie):

Celem artykułu jest badanie teorii i praktyki epitafiów w poetyce czernichowskiej z roku akademickiego 1749–1750 na tle ówczesnej ukraińskiej myśli teoretycznoliterackiej, a także analiza epitafiów wybitnej osobowości swojego czasu – biskupa czernichowskiego i nowgorodzko-siewierskiego – Ambrożego (Ambrosiusa, Ambrozjusza) Dubniewicza – w szerokim kontekście porównawczym. Artykuł naukowy oparto o wyniki badań mało znanych nawet w środowisku akademickim rękopiśmiennych skryptów ukraińskich. Rozdział o epitafium w poetyce czernichowskiej z roku akademickiego 1749/1750 jest obszerny i znaczący w porównaniu z innymi traktatami ukraińskimi, wybrano przykłady o większym znaczeniu. W artykule zanalizowano teorię epitafium w poetyce czernichowskiej: definicję, metody prezentacji epitafium – narracyjną i przez prosopopeję, rodzaje – epitafium retoryczne i epitafium poetyckie, genologiczne funkcje przykładów. W poetyce czernichowskiej z roku akademickiego 1749/1750 gatunek literacki epitafium postrzegano jako rodzaj poezji osobliwej. To jeden z trendów ukraińskiej myśli teoretycznoliterackiej (wraz z rozumieniem epitafiów jako fraszek i napisów). Podane przykłady uzupełniają teorię gatunku. W artykule zwraca się uwagę na bogactwo rozwiązań formalnych i na cechy epita-

fium-epicedium o charakterze epickim, liryczne elogia (potępiającego i poetyckiego), epitafium retoryczne (historyczne), cyklu epitafiów, na epitafium chrześcijańskie w formie wiersza leonińskiego. Twierdzi się, że epitafia w poetyce czernichowskiej z roku akademickiego 1749/1750 mają nie tylko wartość historyczną, ale są one również ważne dla rekonstrukcji naszej wiedzy o teorii dawnego piśmiennictwa ukraińskiego, posiadają także pewną wartość estetyczną dla współczesnego czytelnika. Przykłady omówionej teorii i praktyki epitafium w poetyce czernichowskiej z roku akademickiego 1749/1750 dowodzą, jak ważne jest wzięcie pod uwagę nie tylko poetyk Akademii Kijowsko-Mohylańskiej (Kijowsko-Mohylewskiej), ale także kursów ukraińskich uczelni regionalnych. Zadanie na przyszłość – analiza literacka studenckich wierszy funeralnych, poświęconych Ambrożemu (Ambrosiusowi, Ambrozjuszowi) Dubniewiczowi, które są dołączone do poetyki czernichowskiej.

Key-words in Polish:

Słowa-klucze:

poetyka czernichowska, epitafium, wiersze funeralne, XVIII wiek, Ukraina,

Библиография / Bibliography / Bibliografia / Literature:

Bibliography in Cyrillic Alphabet:

Список литературы на кириллице:

Андрущенко М., *Парнас віриштований: Києво-Могилянська академія та український літературний процес XVIII ст.*, Українська книга, Київ 1999, сс. 208.

Апанович О., *Ще одне джерело з історії України XVIII сторіччя*, „Україна. Наука і культура. Щорічник”, р.: 1989, вип. 23, с. 213–231, <http://izbornyk.org.ua/chernlet/chern05.htm> [доступ: 10.02.2013].

Gruchała J., *Poezja jezuitów czy poezja jezuicka? Od parodii horacjańskiej do elogium*, [w:] *Maciej Kazimierz Sarbiewski i jego epoka: Próba syntezy*, J. Z. Lichański (red.), Pułtusk 2006, s. 29–45.

Довгалецький М., *Поетика («Сад поетичний»)*, В. П. Маслюк (пер. і прим.), Мистецтво, Київ 1973, сс. 436.

Маслюк В.П., *Латиномовні поетики і риторики XVII – першої половини XVIII ст. і їх роль у розвитку теорії літератури на Україні*, Наукова думка, Київ 1983, сс. 234.

Прокопович Ф., *Сочинения*, И.П. Еремин (ред.), Изд-во АН СССР, Москва–Ленинград 1961, сс. 512.

Стратий Я.М., Литвинов В.Д., Андрушко В.А. *Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии*, Наукова думка, Киев 1982, сс. 348.

Федорова Е.В., *Латинская эпиграфика*, Изд-во Моск. ун-та, Москва 1969, сс. 181.

Циганок О., *Генологічні концепції фунерального письменства в Україні XVII–XVIII ст.: основні напрямки досліджень*, Університет „Україна”, Київ 2011, сс. 176.
Черниговская поэтика 1749-1750 учебного года, рукопись хранится в Национальной библиотеке Украины имени В.И. Вернадского, Институт рукописи, фонд 1, № 6528, сс. 360.

Bibliography transliterated into Latin Alphabet:

Список литературы на латинице:

- Andrušenko M., *Parnas viršotvornij: Kiêvo-Mogilâns'ka akademiâ ta ukraïns'kij literaturnij proces XVIII st.*, Ukraïns'ka kniga, Kiïv 1999, ss. 208.
- Apanovič O., *Še odne džerelo z istoriï Ukraïni XVIII storiččâ*, „Ukraïna. Nauka i kul'tura. Šoričnik”, r.: 1989, vip. 23, s. 213–231, <http://izbornyk.org.ua/chernlet/chern05.htm> [dostup: 10.02.2013].
- Černigovskaâ poëtika 1749-1750 učebnogo goda*, rukopis' hranitsâ v Nacional'noj biblioteke Ukrainy imeni V.I.Vernadskogo, Institut rukopisi, fond 1, № 6528, ss. 360.
- Ciganok O., *Genologični koncepcii funeral'noho pis'menstva v Ukraïni XVII–XVIII st.: osnovni naprâмки doslidžen'*, Universitet „Ukraïna”, Kiïv 2011, ss. 176.
- Dovgalevs'kij M., *Poetika (“Sad poetičnij”)*, V.P. Maslûk (per. i prim.), Mistectvo, Kiïv 1973, ss. 436.
- Fedorova E.V., *Latinskaâ èpigrafika*, Izd-vo Mosk. un-ta, Moskva 1969, ss. 181.
- Gruchała J., *Poezja jezuitów czy poezja jezuicka? Od parodii horacjańskiej do elogium*, [w:] *Maciej Kazimierz Sarbiewski i jego epoka: Próba syntezy*, J. Z. Lichański (red.), Pułtusk 2006, s. 29–45.
- Maslûk V.P., *Latinomovni poetiki i ritoriki XVII – peršoï polovini XVIII st. i ih rol' u rozvitku teorii litratury na Ukraïni*, Naukova dumka, Kiïv 1983, ss. 234.
- Prokopovič F., *Sočineniâ*, I.P. Erëmin (red.), Izd-vo AN SSSR, Moskva-Leningrad 1961, ss. 512.
- Stratij Á.M., Litvinov V.D., Andruško V.A., *Opisanie kursov filosofii i ritoriki professorov Kievo-Mogilânskoj akademii*, Naukova dumka, Kiïv 1982, ss. 348.

Information about the Author:

Ol'ga Ciganok [Ольга Циганок, Olga Cyganok, Olga Tsyganok] – The Taras Shevchenko National University of Kyiv (Київський національний університет імені Тараса Шевченка), Kyiv (Київ) Ukraine, Україна, Institute of Philology / Department of Polish Studies / Candidate of Philology / Doctoral Student / Ukrainian Literature of 17th and 18th centuries, Neo-Latin Studies / Philologist. E-mail: olzyg[at]ukr.net